

Линь Хань понимал, что сболтнул лишнего, но из-за пережитого потрясения просто не мог сдержаться и отвести взгляд от чашки с чаем.

Чем дольше он смотрел, тем больше ему казалось, что этот чай, за исключением цвета, был точной копией того самого стакана молока. Даже чашка была похожа!

Отношения господина Чу с сыном, какими бы плохими они ни были, оставались их семейным делом. Но сейчас Линь Хань прямо заявил, что сомневается в чистоте чая на столе. Это было равносильно намёку: «Ваш собственный сын, которого вы вырастили, пытается вас отравить».

Это ведь ваш кровный ребёнок, в которого вы когда-то вложили столько сил, надеясь вырастить из него достойного человека.

Но почему бы и нет? Мало ли в мире странных вещей.

— Сяо Хань, — Линь Гошэн взглянул на племянника, но, увидев его подавленное состояние, ничего не сказал.

«Эх, всё-таки мало ещё повидал, — подумал он. — Стоит случиться чему-то, что выводит из равновесия, и он уже не может скрыть своих мыслей».

Линь Гошэн перевёл взгляд на господина Чу, который, услышав слова Линь Ханя, тоже уставился на чашку. На улице потеплело, и у него была привычка пить холодный чай. Если бы ничего не случилось, он, вернувшись в свою комнату после утомительного праздничного ужина, непременно выпил бы этот чай.

Все близкие знали об этой его привычке.

Лицо старика стало непроницаемым. Наконец, он подошёл к телефону и набрал номер.

— Сяо Лян, поднимись, пожалуйста. У меня есть для тебя поручение.

Дворецкий Лян — тот самый, что раньше присматривал за Чу Сяоханем. Господин Чу не доверил бы ему заботу о внуке, если бы не был в нём абсолютно уверен.

— Да, господин, сию минуту.

Когда дворецкий поднялся, господин Чу указал на чай на кофейном столике.

— Сяо Лян, отнеси эту чашку, а также чайные листья, которыми я пользовался, и питьевую воду из моей комнаты на экспертизу. А потом пусть снимут отпечатки пальцев, чтобы выяснить, кто, кроме меня, прикасался к этой чашке. И главное, чтобы никто ничего не заметил.

— Хорошо, — несмотря на жутковатую подоплёку поручения, дворецкий Лян с невозмутимым видом согласился. Какими бы ни были указания нанимателя, если они не противоречат закону, его дело — выполнять.

Когда он уже собирался уходить с вещами, господин Чу остановил его:

— Жди там, пока не будут готовы результаты.

Старик помолчал и добавил:

— Какими бы они ни были, сообщи мне немедленно.

Проводив дворецкого взглядом, господин Чу повернулся к Линь Гошэну и криво усмехнулся:

— Семейный позор... Простите, что стали свидетелями этого.

Линь Гошэн покачал головой. В такой момент любые слова, будь то утешение или что-то иное, были бы неуместны. Поэтому он решил просто увести детей вниз.

— Я пока спущусь с ними. Когда закончишь, тоже спускайся. Собралось столько гостей, все ждут, чтобы поздравить тебя с днём рождения.

Господин Чу кивнул.

— Я сейчас приду.

Линь Гошэн, взяв Фэйфэя за руку и ведя за собой Линь Ханя, направился туда, где было больше людей. Этот внезапный инцидент бросил ещё одну тень на и без того не слишком радостное торжество.

Заметив, что внук то и дело с тревогой поглядывает на него, Линь Гошэн заставил себя улыбнуться и похвалил его:

— Наш Фэйфэй сегодня совершил настоящий подвиг.

Если бы Фэйфэй случайно не увидел этого и, из-за своей нелюбви к Чу Шэну, не спросил бы,

всё могло закончиться так, как и предполагал Линь Хань.

— Фэйфэй помог дедушке Чу? — малыш улыбнулся в ответ на похвалу и пролепетал своим нежным голоском: — Это потому что тот дядя вошёл в комнату дедушки Чу без разрешения? Учительница говорила, что входить в чужую комнату без стука нехорошо. Это невежливо.

Линь Хань кивнул, подхватывая его слова:

— Фэйфэй прав. Входить в чужую комнату без разрешения действительно невежливо. Видишь, дедушка Чу даже рассердился.

— Фэйфэй понял, — кивнул малыш. Он и дальше будет стараться быть вежливым.

Линь Хань ещё раз напомнил ему, чтобы тот никому не рассказывал об этом, пока господин Чу сам не разберётся. Фэйфэй пообещал.

Наверху царила гнетущая тишина, а внизу по-прежнему кипела жизнь и слышался гул голосов.

О том, что здоровье господина Чу пошатнулось, доподлинно знали только в семье Линь. Остальные, даже если до них и доходили какие-то слухи, не знали, насколько всё серьёзно.

Видя, что у господина Чу ещё есть силы устраивать празднование своего семидесятилетия, большинство гостей размышляло: «Наверное, ничего страшного».

— Папа! — Фэйфэй увидел внизу Линь Сыняня, подбежал к нему и крепко обнял его за ногу.

Линь Сынянь, заметив, что малыш всё ещё бодр, с улыбкой сказал:

— Похоже, Фэйфэй сегодня не очень устал.

Малыш, чьи щёчки недавно горели от жары, снова порозовел. Дети быстро устают, но и силы у них восстанавливаются так же быстро. Он поднял голову на Линь Сыняня, и его глазки снова засияли.

— Не устал, — покачал он головой. — Фэйфэй отдохнул и больше не устал. Папа, Фэйфэй хочет пирожное.

До проблем с зубами Фэйфэй тоже любил пирожные, но поскольку они были доступны в любой момент, он не мечтал о них так страстно. Теперь же, когда ему нельзя было есть сладкое без разбора, Линь Сынянь и остальные старались не ставить перед ним пирожные, пудинги и прочие десерты.

Боялись ненароком разбудить в малыше тягу к сладкому.

Но сегодня был особый случай. Одного взгляда Линь Сыняня было достаточно, чтобы насчитать на длинном фуршетном столе не меньше двадцати видов десертов.

Маленькие, изящные и аппетитные, они так и манили к себе. Но без разрешения отца малыш мог лишь сдерживаться и не подходить к столу.

— Фэйфэй хочет пирожное? Дай-ка папа посчитает, когда Фэйфэй в последний раз ел пирожное? — Линь Сынянь начал загибать пальцы. — Десять дней назад в детском саду, Фэйфэй сказал, что Юаньюань угостил тебя кусочком сырного пирожного, верно?

— Угу, — послушно кивнул Фэйфэй.

Линь Сынянь посмотрел на сына. Даже когда ему очень хотелось сладкого, Фэйфэй ни разу не съел ничего тайком. Он обещал, что, если захочет, скажет папе и не будет есть украдкой. И малыш держал своё слово.

Какой же он всё-таки послушный.

А такого послушного малыша, конечно же, стоило наградить пирожным.

Линь Сынянь погладил Фэйфэя по голове и, взяв его на руки, подошёл к столу с десертами, чтобы ему было лучше видно.

— Фэйфэй может выбрать два.

Он хотел сказать «одно», но, увидев, как заблестели глаза сына при виде всего этого великолепия, не смог и разрешил два.

Линь Сынянь мысленно вздохнул. Похоже, строгим отцом ему не быть.

Может, перепоручить эту нелёгкую задачу Линь Цзинли? Если нет строгого отца, строгий дядя тоже сойдёт. Разница всего в одном слове.

Взгляд Фэйфэя скользил по столу, заставленному десертами. Ему хотелось попробовать всё. Но в итоге он выбрал своё самое любимое пирожное и небольшой стаканчик сока.

Это был первый раз, когда Фэйфэй появился на публичном мероприятии, организованном не семьёй Линь.

Многим было любопытно, откуда у Линь Сыняня вдруг появился такой большой ребёнок. Но семья Линь оберегала малыша как зеницу ока, и никто не осмеливался подходить слишком близко. Оставалось лишь издали наблюдать, как некогда бунтарский и непокорный второй господин Линь исправился и превратился в заботливого отца.

Только вот кто мать ребёнка? Об этом никто никогда не слышал.

Из-за присутствия малыша все члены семьи Линь, находившиеся в разных концах зала, постепенно собрались вокруг Линь Сыняня.

Некоторые из гостей подумывали подойти и засвидетельствовать своё почтение, но, увидев Чу Шэна, тут же передумали.

О давней вражде между Чу Шэном и семьёй Линь было известно всем, кто хоть сколько-нибудь вращался в высшем обществе города С.

Чу Шэн тоже смотрел. И не просто смотрел — он сдерживался. Он изо всех сил старался, чтобы в его взгляде не промелькнула ядовитая ненависть. Именно из-за этих людей из семьи Линь он столько лет был посмешищем!

И этот старик, которого ничем не прошибёшь... Собственного сына избили на улице, а он, вместо того чтобы отомстить, вернувшись, избил его ещё раз!

Чу Шэн никогда не забудет взгляд, которым отец тогда на него смотрел. Как на безнадёжного идиота. Как на мусор, вызвавший лишь разочарование.

Возможно, именно тогда между ними и пролегла трещина. А со временем она лишь становилась всё глубже.

Но теперь Чу Шэну было всё равно. Он давно уже не тот сопляк, что не смел поднять руку на отца с его тростью. Ещё немного, и семья Чу будет принадлежать ему!

Спустя некоторое время спустился господин Чу. Опираясь на трость, он как ни в чём не бывало подошёл к гостям. Рядом с ним шёл Чу Сяохань.

Линь Гошэн не зря говорил, что Линь Ханю не хватает выдержки. Вот, к примеру, господин Чу: только что узнал о злых умыслах собственного сына, а в следующую минуту уже с улыбкой приветствует старых друзей, пришедших на его день рождения.

— Старина Ма, а ты всё молодеешь! Посмотри, какой румянец, — сказал господин Чу, стоя в кругу своих приятелей.

— Да это он с улицы набегался, вот и раскраснелся! — подхватил кто-то, подшучивая над стариной Ма. — Говорили ему: надень простую рубашку, мы же все тут старики, а не молодёжь. А он нет, вырядился в официальный костюм. Перед кем красоваться-то?

Старине Ма это не понравилось.

— Что вы всё на меня? Вы лучше на старого Линя посмотрите. Вот у кого румянец так румянец.

Тут он озадаченно пробормотал:

— Странно всё-таки. Раньше я за ним такого не замечал, а теперь каждый раз, как вижу, удивляюсь, откуда у него столько энергии. Всё допытываюсь: может, у него есть какой-то секрет счастья или новое чудо-лекарство от ангедонии? А он молчит. Такой жадный. Неужели я бы у него отнял? Подумаешь, одной таблеткой бы поделился.

У каждой из их семей в городе С были акции хотя бы одной-двух лабораторий. «Побочных продуктов», созданных при исследовании ангедонии, была целая куча. Все они считались новыми лекарствами.

Были средства от выпадения волос, для почек, для печени и даже для улучшения умственных способностей!

Лабораторий, занимающихся изучением ангедонии, по всему миру было как звёзд на небе — не счесть. Каждый день появлялись новые препараты.

Но сколько бы они ни исследовали, по-настоящему эффективного лекарства от ангедонии так и не нашли. Ни следа!

Поэтому весь мир относился к лекарствам от ангедонии с надеждой и одновременно с отчаянием.

А слова старины Ма были сказаны полушутя, полувсерьёз.

Видя такое дело, господин Чу невозмутимо произнёс:

— Что вы его пытаете? Лучше меня спросите. Может, я вам и расскажу.

— Ты знаешь? — тут же оживился старина Ма. — Тогда говори скорее!

Остальные тоже с надеждой уставились на господина Чу, ожидая услышать что-то полезное.

Господин Чу, опираясь на трость, немного потянул время. Когда его старые друзья уже начали сердито на него смотреть, он неторопливо сказал:

— Хотите знать секрет? Он есть.

— Да говори же ты! — поторопил его кто-то.

Вся эта компания стариков, которым на всех было несколько сотен лет, вела себя так, будто впала в детство.

— Секрет в том, чтобы ваш сын подарил вам ещё одного внука! — сказал господин Чу и сделал глоток чая. Но, едва коснувшись чашки губами, он словно что-то вспомнил и тут же отставил её.

Подняв голову, он услышал жалобы старины Ма:

— Ты что, издеваешься над нами? Старый Чу, я и не замечал раньше, какой ты на старости лет стал язвительный.

Для большинства из них, давно уже ставших дедами, совет господина Чу был бесполезен.

Господин Чу отошёл в сторону.

— Я вам секрет раскрыл, а верить или нет — ваше дело.

Они думали, он шутит, но ведь это была правда. С тех пор как у Гошэна появился Фэйфэй, он с каждым днём становился всё бодрее. Теперь, когда он стоял рядом с Линь Гошэном, казалось, что между ними не несколько лет, а целое поколение.

Господин Чу и сам не раз с завистью и недоумением думал: как так получается, что детей воспитывают одинаково, а в семье Линь все как на подбор — драконы и фениксы среди людей. И внуки такие же — стоят в ряд, как стройные топольки, глаз радуется.

А у них, в семье Чу... если бы не Сяохань, он бы и впрямь заподозрил, что с их родом что-то не так, и началось это с его поколения.

Праздник продолжался. Шумный, многолюдный зал стал для господина Чу своего рода Эдемским садом, где можно было на время забыть о страшной правде.

Рядом стоял его любимый внук, вокруг — старые друзья, со всех сторон доносились тосты за его здоровье и долголетие.

«Сяо Ин, если бы ты и твоя семья были здесь, как было бы хорошо». В ушах господина Чу снова прозвучали слова, сказанные его младшей дочерью десять лет назад, на его шестидесятилетие: «Папа, это я сама приготовила лапшу долголетия. У меня от замеса теста даже запястья опухли. Ты должен съесть всё до капли!»

Лапши была целая миска. Попробовав первую ложку, он скривился. Что за стряпня, она же его отравить решила этим рассолом!

Но в итоге, ворча и жалуясь, он съел всё до последней крошки. Во рту было так солёно, что сводило скулы.

Сегодня старик растерянно оглядывался по сторонам, всё ещё надеясь, что кто-то вдруг выскочит с миской лапши и заставит его съесть всё, не оставив ни капли супа. Рядом с этим человеком должен был стоять тот мужчина, который ему до сих пор не слишком нравился, и двое прелестных, как снег, детей.

В этом году на его праздничном столе были изысканные деликатесы, и во рту больше не было солёно, но на сердце...

Эта горечь убивала.

Наконец, когда луна поднялась высоко в небо, праздник закончился. В этот раз господин Чу попросил Чу Сяоханя провожать гостей. Своих близких друзей он проводил лично до самых ворот.

На протяжении всего вечера его сыновья не играли никакой роли. Положение Чу Шэна и Чу Шэна в сердце отца было очевидно для любого, кто имел глаза.

Когда все разъехались, из семьи Чу остались только люди Линь Гошэна. Чу Шэн и Чу Шэн, пришедшие со своими семьями, не дожидаясь, пока отец их выгонит, ушли сами.

Господин Чу посмотрел на Чу Сяоханя и мягко сказал:

— Сяохань, сегодня ты переночуешь у дедушки Линя. Когда за тобой приедут, тогда и вернёшься.

Чу Сяохань молчал. Весь день он был очень тихим.

— Слушайся, — голос господина Чу стал немного строже.

Но, увидев, как покраснели глаза внука и как упрямо он на него смотрит, старик тяжело вздохнул и пообещал:

— Дедушка обещает, я обязательно сам за тобой приеду.

Только после этого обещания лицо Чу Сяоханя немного посветлело.

— Договорились. Дедушка должен приехать за мной сам.

— Договорились. Разве дедушка хоть раз не сдержал своего слова?

Любовь можно проявлять по-разному. Хотя господин Чу и был строг с Чу Сяоханем, его любовь к нему была не менее глубокой. Просто она была более сдержанной.

Договорившись с Чу Сяоханем, господин Чу присел на корточки перед Фэйфэем.

— Фэйфэй, дедушка Чу хочет тебя кое о чём попросить, хорошо?

Малыш быстро кивнул.

— Пожалуйста, присмотри сегодня за братиком Сяоханем. Дедушка боится, что ему будут сниться кошмары, и он будет тихо плакать. Если он заплачет, утешь его, пожалуйста.

Фэйфэй удивлённо моргнул. Оказывается, братик Сяохань тоже плачет из-за кошмаров.

Он тут же взял Чу Сяоханя за руку и, легонько покачивая ею, сказал:

— Фэйфэй не даст братику Сяоханю плакать одному. Фэйфэй его утешит.

Фэйфэй был мастером по утешению плачущих детей. Многие малыши, стоило ему их немного успокоить, тут же переставали плакать.

Когда всё было решено и они уже собирались уходить, Фэйфэй вдруг замешкался. Он обернулся и долго-долго смотрел на господина Чу.

Его глаза застилал чёрный туман. Это была не пустота, не отчаяние, а всепоглощающая скорбь. Такая, что, взглянув на неё, хотелось самому расплакаться.

Такие эмоции, такие же заразительные, как и радость, были слишком тяжелы для маленького мифического зверя.

Поэтому, под действием инстинкта самосохранения, малыш, взглянув один раз, больше ничего не мог увидеть, как бы ни старался.

Интуиция мифического зверя подсказывала Фэйфэю, что он должен что-то сделать. Но что?

— Фэйфэй, на что ты там смотришь? Нам пора, — позвал его Линь Хань.

Словно очнувшись ото сна, малыш сорвался с места и со всех ног бросился обратно к господину Чу.

Он бежал так быстро, что казалось, вот-вот упадёт.

Увидев, что малыш вернулся, господин Чу спросил:

— Фэйфэй, ты что-то забыл?

Фэйфэй остановился перед ним и, протянув маленькую ручку, коснулся буддийских чёток, снова надетых на запястье старика.

Господин Чу улыбнулся и пошевелил рукой.

— Что, Фэйфэй, жалко стало дарить дедушке Чу такой подарок?

Малыш покачал головой и продолжал водить пальчиками по чёткам. Через минуту или две он отпустил их, оставив господина Чу в недоумении. Старик уже подумал, что Фэйфэю и впрямь так понравились эти чётки, и собрался снова их снять, чтобы отдать ему.

Но не успел он и пошевелиться, как малыш, закончив своё дело, развернулся и убежал, не дав ему и опомниться.

Проводив его взглядом, господин Чу стёр улыбку с лица. Выражение его стало непроницаемым и даже пугающим.

— Фэйфэй, зачем ты вдруг побежал обратно? Ещё и чётки дедушки Чу трогал, — Линь Хань, побежавший за Фэйфэем, видел всё.

— Фэйфэй давал дедушке Чу благословение Фэйфэя, — пролепетал в ответ малыш.

— Благословение? — переспросил Линь Хань. — И что же ты пожелал дедушке Чу?

Услышав вопрос, Фэйфэй посмотрел на Линь Ханя взглядом, в котором читалось: «Какой же ты глупый, братик». Разве братик не знает? Если рассказать о желании, оно не сбудется.

Успешно получив порцию презрения от малыша, Линь Хань хмыкнул, подхватил его под попу и закинул на плечо.

— Ах ты, малявка, осмелел, да? Так на брата смотреть? Будешь наказан! — с этими словами он побежал, напугав малыша на своём плече.

Фэйфэй испуганно взвизгнул и, вцепившись в одежду Линь Ханя, закричал:

— Братик, братик, Фэйфэй был неправ! Опустит Фэйфэя!

Линь Хань добежал до Линь Гошэна, Ян Юйин, Линь Сыняня, Линь Цзинли и Чу Сяоханя, где тут же получил нагоняй от Ян Юйин.

— Быстро опусти Фэйфэя! Ты так быстро бежишь, а если упадёшь? — она поспешно протянула руки, чтобы забрать внука, и неодобрительно посмотрела на Линь Ханя. — Сяо Хань, ты так высоко его поднял. Если он упадёт, ты же первый будешь переживать.

Линь Хань смущённо опустил Фэйфэя с плеча и передал его Ян Юйин.

Но как только малыш увидел стоявшего в стороне молчаливого Чу Сяоханя, он захлопал в ладоши и попросил бабушку опустить его. Головокружительной походкой, пошатываясь, он подошёл к Чу Сяоханю.

Увидев это, Ян Юйин снова шлёпнула Линь Ханя по плечу.

Когда они сели в машину, Фэйфэй придвинулся к Чу Сяоханю.

— Братик Сяохань, давай сегодня спать вместе? Фэйфэй отведёт тебя в палатку, которую построил третий дедушка. Она большая, и там есть звёздные фонарики и плюшевый мишка. Фэйфэй и мишка будут с тобой, и братику Сяоханю не будут сниться кошмары.

Фэйфэй был очень ответственным ребёнком. Пообещав дедушке Чу присмотреть за братиком Сяоханем, он уже решил, что сегодня временно не будет спать с папой.

— Как тебе нравится. Мне всё равно, где спать, — Чу Сяохань всё ещё был расстроен, но, по крайней мере, отвечал, когда Фэйфэй с ним говорил.

— Хорошо, тогда сегодня спим в палатке. Фэйфэй там спал только днём.

Всю дорогу от дома Чу до дома Линь Фэйфэй то и дело заговаривал с Чу Сяоханем, не давая ему погрузиться в свои мысли.

И это было хорошо. Сейчас Чу Сяоханю больше всего нужно было просто выспаться. С тех пор как здоровье дедушки ухудшилось, он давно не спал спокойно.

Он часто просыпался посреди ночи, подкрадывался к двери дедушкиной комнаты и прислушивался. Прижав ухо к двери, он внимательно, очень внимательно слушал. И только услышав тихое дыхание, мог успокоиться и вернуться в свою кровать.

Господин Чу никогда не скрывал от Чу Сяоханя своего состояния. Он хотел, чтобы, когда придёт тот день, внук был готов и не растерялся. Господин Чу продумал для него множество путей отступления, но забыл одно: каким бы взрослым ни казался Чу Сяохань, он всё ещё был ребёнком.

Ребёнком, которому было страшно и не хватало чувства безопасности.

— Господин, результаты экспертизы готовы. В чашке с водой и в питьевой воде из вашей комнаты было обнаружено неизвестное вещество. Оно не является ни водой, ни чаем. После дополнительной проверки я выяснил, что его химический состав схож с новым препаратом, недавно зарегистрированным одной небольшой лабораторией в городе С.

Эта лаборатория была настолько маленькой, что, если бы не сотрудник аналитического центра, который там подрабатывал, расследование могло бы занять недели.

Господин Чу посмотрел на белый порошок, извлечённый из чая.

— Каково действие этого препарата?

— Белый, безвкусный, растворяется в воде. Вызывает медленный отказ органов, но при правильной дозировке выводится из организма в течение двух часов. По прошествии этого времени его невозможно обнаружить без специальных тестов.

Такой препарат, очевидно, был опасен. Поэтому, согласно предписанию Трибунала, после регистрации его производство было немедленно запрещено, а все оставшиеся запасы подлежали уничтожению.

— А что с отпечатками пальцев на чашке? — голос господина Чу оставался бесстрастным.

— На чашке, кроме ваших, других отпечатков не обнаружено.

Чу Шэн действовал осторожно, даже в комнату отца он вошёл в перчатках. Если бы не случайная встреча с Фэйфэем, господину Чу, скорее всего, не удалось бы избежать своей

участи.

— У тебя есть тест-полоски? — с трудом спросил господин Чу.

Дворецкий Лян кивнул. Как первоклассный управляющий, он всегда был готов к любым неожиданностям.

Тест-полоска выглядела как обычный кусочек синей бумаги. Господин Чу взял нож для фруктов, надрезал указательный палец и капнул кровью на полоску.

Тест показал положительный результат.

Это означало, что в организме господина Чу действительно присутствовал этот препарат.

Увидев результат, господин Чу сжал тест-полоску в кулаке. Рана на пальце снова открылась, и кровь начала капать на пол.

Он откинулся на спинку дивана, плотно сомкнув веки. Спустя долгое молчание он спросил:

— Что с расследованием автокатастрофы Сяо Ин, которое я просил тебя провести?

Изначально это было просто привычкой. Он хотел лично убедиться, что его дочь, зять и внуки действительно погибли в результате несчастного случая. Никаких подозрений у него не было.

Но сегодняшний инцидент заставил его взглянуть на всё иначе.

Дворецкий Лян кивнул.

— Во время экспертизы я получил результаты расследования. Водитель, сбивший их, сначала утверждал в тюрьме, что был пьян и всё произошло случайно. Тогда я решил проверить его биографию. Оказалось, у него были глубокие счёты с мужем госпожи. Этот человек — бывший заключённый, три года назад он был осуждён за грабёж. Именно господин Ян тогда остановил его и сдал в полицию. Месть после освобождения выглядела правдоподобно. Но есть одна странность. Его семья была в бедственном положении, а за три года его заключения их финансовое состояние только ухудшилось. Однако в начале этого года, кроме него самого, вся его семья внезапно разбогатела и переехала из города. По словам их соседей, они выиграли в лотерею. Но на самом деле, в стране С уже два года не было таких крупных выигрышей в лотерею, которые позволили бы купить дом в городе S. И это не считая расходов на обучение его сына в элитной школе.

Когда он показал фотографии соседям, те с трудом узнали их. Перемены были слишком разительны.

Женщина с грубыми руками и землистым цветом лица вдруг превратилась в богатую даму.

Ребёнок, которого в школе дразнили сыном грабителя и который боялся поднять голову, теперь носил кроссовки за десять тысяч и весело смеялся с одноклассниками.

А его отец, страдавший от тяжёлой болезни, получал лучшее лечение в больнице города S.

Для бедняка внезапное богатство... может, деньги и не приносят счастья, но без них многие пути к счастью просто закрыты.

Пожертвовать одним сыном, отцом и мужем-грабителем ради такой жизни... кто бы отказался? По крайней мере, тот мужчина в тюрьме точно был согласен.

Тем более что он действительно ненавидел мужа Сяо Ин, который упёк его за решётку.

В этом разбалансированном мире любовь и ненависть не возникают на пустом месте. Но если уж возникают, то проникают до самых костей.

— А деньги? Выяснили, откуда они? — прервал его господин Чу.

Дворецкий Лян кивнул.

— Поскольку полиция тоже обнаружила странности в этом деле, они официально переквалифицировали его в уголовное. С помощью анализа больших данных эксперты составили вот такую схему связей. А потом... я применил некоторые не совсем законные методы. Показал ему фотографии его семьи, и водитель признался. Он подтвердил, что не был пьян и действовал не из мести, а по чужому приказу.

Господин Чу взял лист бумаги. На нём было несколько имён и фотографий.

Все эти люди, казалось бы, никак не были связаны друг с другом, но после сопоставления фактов обнаружилась одна общая точка пересечения: Чу Шэн!

Глубокой ночью в дверь дома Чу Шэна постучали. Поскольку было уже поздно, никто не открывал.

Но стук не прекращался, а становился всё громче и настойчивее. Казалось, дверь вот-вот выломают.

— Кто там? — сонная домработница пошла посмотреть и увидела на мониторе домофона господина Чу.

Старик стоял один у двери, его лицо было тёмным, а взгляд — ледяным.

Домработница вздрогнула от страха и поспешила открыть.

— Где Чу Шэн? — спросил господин Чу, войдя в дом.

— Господин ещё спит наверху. Я сейчас его позову.

Домработница поспешила наверх. Она работала на Чу Шэна с тех пор, как он уехал из старого особняка, и с первого взгляда узнала господина Чу.

Она подбежала к двери комнаты Чу Шэна и забарабанила:

— Господин! Господин, проснитесь! Приехал ваш отец!

Чу Шэн, разбуженный криками, открыл дверь и нахмурился:

— Чего ты орёшь среди ночи?

— Господин, ваш отец приехал. Он внизу! — повторила домработница.

— Что? Зачем ему понадобилось приезжать так поздно? — удивился Чу Шэн, но всё же поспешил вниз в одной пижаме.

И действительно, в гостиной сидел господин Чу.

— Папа, зачем ты приехал так поздно? Если что-то нужно, ты бы завтра позвонил, я бы сам приехал, — сказал Чу Шэн, стараясь выглядеть спокойным, но в душе у него зародилось нехорошее предчувствие.

Но господин Чу не стал ходить вокруг да около.

— Ты сегодня был в моей комнате?

Чу Шэн опешил.

— Папа, о чём ты? Я весь вечер был на празднике.

— А ты знаешь, что у входа в мою комнату стоит камера?

Услышав это, Чу Шэн испугался.

Видя, что отец говорит так уверенно, Чу Шэн понял, что тот его не обманывает.

Но он всё ещё пытался держаться.

— И что? Мне теперь нельзя даже в твою комнату зайти?

— В мою комнату ты зайти можешь. Ты даже можешь подсыпать мне яд. Скажи, скотина, как долго ты меня травил?! — господин Чу был уверен, что Чу Шэн подкупал кого-то из прислуги.

Лицо Чу Шэна помрачнело. Значит, он и впрямь всё узнал. Но Чу Шэн понимал: даже если отец всё знает, это ещё ничего не доказывает. Он действовал очень осторожно и не оставил никаких улик.

Сегодня он взялся за дело сам лишь потому, что тот, кого он подкупил, как назло, сорвался с горы во время отпуска. Удобная смерть без свидетелей.

Но теперь... раз отец всё знает, дело плохо.

Чу Шэн запаниковал. Раньше ему всё удавалось, потому что отец ничего не подозревал. Теперь же, когда он настороже, у него не будет шанса. К тому же, дозы яда было ещё недостаточно. Если он прекратит приём, отец может поправиться.

Нет! Чу Шэн знал, что после сегодняшнего дня отец больше не будет испытывать к нему никаких отеческих чувств. Его вышвырнут из семьи Чу.

Нельзя! Если он лишится денег и власти, станет нищим, он лучше умрёт!

Взгляд Чу Шэна стал зловецим. Он перестал лебезить и закричал на отца:

— Ты всё время говорил, что я ни на что не годен, что я скотина! А ты сам? Разве ты не виноват в том, каким я стал?! «Не научишь — вина отца!» Если бы ты знал, каким я стану, ты бы, наверное, задушил меня в колыбели, да? И не только меня, Сяо Ин тоже тебя ненавидела! Перед смертью она наверняка тебя проклинала! Проклинала за то, что ты, старый упрямец, не дал ей выйти замуж за любимого человека! Кстати, ты был в морге? Видел их семью? Машину разорвало пополам. Гримёрам пришлось потрудиться, чтобы привести лицо Сяо Ин в порядок.

Как думаешь, она перед смертью плакала и звала: «Папа, папочка, мне так больно. Мне правда так больно. Спаси меня».

Всё это Чу Шэн выдумал. У него самого не хватило духу пойти в морг. Его целью было спровоцировать отца.

Он знал, что у старика большое сердце и он не выдержит такого потрясения. Смерть Сяо Ин была для него тяжёлым ударом. Ещё один — и сердце не выдержит.

Хотя господин Чу и понимал, что сын пытается его спровоцировать, он не мог сдержать гнева. Кровь застучала в висках. Он схватился за сердце.

В глазах Чу Шэна мелькнула радость.

Но в этот момент на запястье старика вспыхнул мягкий, серебристый свет. Прохладное, умиротворяющее чувство охватило его сердце, и бешено колотившийся пульс начал замедляться.

Это были чётки, на которых осталось благословение Фэйфэя.

Мифический зверь Фэйфэй не всемогущ. Он может лишь помочь несчастным людям снова обрести радость.

Но он не может заставить человека, потерявшего всякую волю к жизни и всякий интерес к миру, в одночасье стать счастливым и беззаботным.

Это было бы уже не божество, а демон.

Но, к счастью, господин Чу был сильным человеком. Поняв, что с ним происходит, он начал сам пытаться взять себя в руки. Постепенно, с помощью чёток, его сердцебиение пришло в норму.

Не желая больше ничего говорить, господин Чу открыл дверь. В дом вошли несколько полицейских в форме.

— Товарищи полицейские, мне больше нечего сказать. Делайте, что должны.

Полицейские кивнули господину Чу и обратились к Чу Шэну:

— Мы подозреваем вас в причастности к убийству. Пройдёмте с нами для дачи показаний.

Пока ошеломлённого Чу Шэна уводили, господин Чу посмотрел на него и сказал:

— Я могу простить тебя за то, что ты пытался меня отравить, потому что я твой отец. Но я не могу простить тебя от имени Сяо Ин.

Я могу простить тебя, потому что я — отец.

И я не могу простить тебя, потому что я — тоже отец.

<http://bllate.org/book/13654/1597863>